

Новый чжуаньюань Ху Чэ благодаря котлу риса в первый же день прославился в Академии Ханьлинь. С тех пор, хотя он и не взял на себя приготовление пищи для всего учреждения, различные закуски и мелкие угощения никогда не переводились. Ежедневно он делился с коллегами дополнительными блюдами. С наступлением холодов слуга принес множество маленьких кувшинов и поставил их на кухне.

В Академии Ханьлинь была маленькая кухня. Однако она была скорее декорацией, с двумя маленькими печами, которые чиновники использовали для варки чая.

Линь Дань сначала не знал об этом, но слуга, которого он отправил с едой для Ху Чэ, оказался смышленным и разузнал обо всех мелких деталях в Академии. Затем Ху Чэ, воспользовавшись перерывом, потратил несколько дней, чтобы вместе со слугой привести кухню в порядок: очистил, починил и добавил небольшую плиту.

Остальные не остались равнодушными, но помочь они не могли. Те, кто дошел до этого уровня в учебе, в основном никогда не занимались домашними делами, даже не знали, как держать метлу, не говоря уже о других работах.

Когда кухня была приведена в порядок, кто-то спросил:

— Что вы делаете, господин Ху?

Устроив кухню, они все равно не умели готовить. Семья, конечно, могла бы, но в таком месте, как Академия Ханьлинь, где могли находиться члены семьи? Обычно только слуги приносили еду. Разве Ху Чэ умел готовить? Даже если бы он умел, у него не было бы времени.

Некоторые, кто недолюбливал Ху Чэ, считали его поведение недостойным и говорили за его спиной:

— Сказать, что он опустился до уровня простолюдина — это ничего не сказать. Это просто непонятно что.

Все пришли в Академию Ханьлинь, чтобы работать и заниматься наукой, кто будет думать о еде? Хотя еда, которую приносили из дома, была довольно вкусной...

Ху Чэ не стал скрывать своих намерений. Когда плита высохла, он приказал слуге положить в котел рис и ингредиенты, приготовленные дома:

— Становится холодно, еда из дома остывает. С плитой будет удобнее подогревать.

Он говорил правду. Обычно чиновники, если у них была возможность, шли в ближайшие рестораны, иначе пили горячий чай с холодной едой. В таких условиях никто не считал это чем-то сложным. В учреждении были слуги, а дома — семьи, которые приносили еду. С плитой подогрев еды стал удобным для всех... Кто бы поверил этому!

Если бы дело было только в подогреве еды, зачем класть в котел столько всего? Что было в тех маленьких кувшинах, принесенных несколько дней назад?

Ху Чэ не делал ничего особенного. Он просто приказал слуге сварить кашу, добавив тонко нарезанное соленое мясо кролика, сушеные грибы, нарезанные кубиками, и перед подачей посыпал мелко нарезанной зеленью. После почти двух часов варки мясо кролика стало мягким, в каше почти не осталось волокон, но соленый аромат мяса пропитал всю кашу; сушеные грибы, размоченные, давали насыщенный аромат; зелень была нежной, мягкой, но не

разваренной.

Когда начальники вернулись с заседания, они получили горячую и вкусную кашу. Ничего не говоря, их лица стали более расслабленными.

Коллеги про себя ругали:

— Подхалим!

Слуга открыл кучу маленьких кувшинов, достал маленькие тарелки и разложил различные соленья:

— Это недавно засоленные, теперь уже можно есть. Если господа не против, попробуйте?

Начальники уже ели. Что еще можно было сказать?

Кроме того, те, кто попадал в Академию Ханьлинь, были уже в возрасте. Ведь не все были такими, как Ху Чэ, который в двадцать лет стал чжуаньюанем. Пару лет назад ушел Линь Хэсун, который считался очень молодым. Обычно в тридцать с лишним лет сдать экзамен на цзиньши уже было неплохо; после нескольких лет стажа возраст в Академии Ханьлинь обычно был около сорока-пятидесяти лет. Ху Чэ был достаточно молод, чтобы быть их сыном или внуком, а учитывая его связи, даже если бы он просто спокойно работал, никто бы ничего не сказал.

Его поведение, хотя и выглядело как попытка угодить начальству и коллегам, но кто в правительстве не старался ладить с коллегами? Несколько порций каши и закусок стоили копейки, это даже не лезть, просто Ху Чэ хотел проявить заботу и уважение к этим старикам.

Ху Чэ, вероятно, знал, что они думали, но все это он делал благодаря планам Линь Даня, чтобы он мог есть горячую еду в учреждении.

— На самом деле, я могу обойтись грубой едой, это всего лишь один обед.

Даже если бы он не ел, он бы выдержал.

Линь Дань думал иначе. Снимая с него служебную одежду, он слегка сжал его стройную талию:

— Здесь уже нет мяса, а ты еще упрямишься?

В прошлой жизни старший брат скрывал от него все, и он не знал, как тот жил во время службы. Но тогда старший брат выглядел более худым. Хотя логично предположить, что это было из-за утомительной работы, возможно, плохое питание тоже сыграло свою роль.

Кроме того, в Академии Ханьлинь были в основном старшие коллеги, хотя и не все были уважаемыми, но Ху Чэ в его возрасте должен был проявлять уважение. Ученые ели мало, он просто предоставлял им один-два приема пищи, это не было проблемой. В последнее время его дела шли хорошо, и он был в хорошем настроении.

Ху Чэ сразу понял, что он в хорошем настроении, и вечером воспользовался моментом, чтобы сделать еще один раз, и даже не разозлился, а наоборот, разыгрался аппетит:

— Даньдань, мы завтра тоже... Даньдань?

Он наклонился, нежно коснулся закрытых глаз Линь Даня, услышал его тихий храп и с легким вздохом прошептал:

— Пожалуй, оставляю тебя в покое.

В конце концов, это была его жадность. Смогут ли они прожить вместе до старости... Пока что не стоит об этом думать. Сейчас Линь Дань был в его объятиях, и этого было достаточно.

Линь Дань, кажется, никогда не беспокоился об их будущем. Ху Чэ боялся спросить, видел ли Линь Дань все слишком ясно или вообще не думал об этом. Если первое, то, хотя он и был недоволен, но если в будущем они расстанутся, и Линь Дань начнет новую, лучшую жизнь, он не будет мешать. Если второе, это означало, что Линь Дань не рассматривал другой возможности, кроме как прожить с ним всю жизнь.

Если... если это действительно так, то даже если они уйдут в горы, он не отпустит его. В прошлой жизни он всю жизнь искал этого, и в этой жизни он не отпустит.

Утром Линь Дань проснулся от того, что его слишком сильно обнимали. Он открыл глаза и удивился, что Ху Чэ все еще в постели. Он потерся головой о него, голос был сонным:

— Чэ-гэ, проснись. Тебе нужно в учреждение.

Ху Чэ обычно вставал раньше него. Что случилось сегодня? Не похоже, чтобы он болел.

— Чэ... Ммм!

Линь Дань широко открыл глаза, глядя на Ху Чэ, который прижался к нему. Глаза еще закрыты, что он целуется?

Ху Чэ, целуя, проснулся и сразу же встретился взглядом с раздраженным Линь Данем. Его сердце мгновенно смягчилось, он потерся о него:

— Даньдани, сегодня так рано проснулся?

Линь Дань, услышав это, заметил, что на улице еще темно:

— Ага.

Он толкнул руку, обнимавшую его талию:

— Ослабь, болит.

Ху Чэ быстро встал, зажег свечу и увидел, что на талии Линь Даня действительно есть покраснение... и следы, оставшиеся с прошлой ночи.

Его слегка шершавые пальцы коснулись нежной кожи, и Линь Дань весь вздрогнул, поспешно натянул одеяло:

— Проснулся? Тогда иди делать утренние упражнения.

Ответом Ху Чэ было то, что он шагнул на кровать, забрался под одеяло и крепко обнял немного раздраженного проказника, поцеловав его:

— Сегодня не пойду. Вчера плохо спал, посплю еще.

Плохо спал... Линь Дань вспомнил вчерашние события. На самом деле он спал хорошо. Такая близость поначалу была для него непривычной, хотя в процессе было... приятно, но после возникали различные неудобства. Ху Чэ все делал сам, что смущало его.

Возможно, из-за того, что он хорошо спал ночью, сейчас он не мог уснуть. Он смотрел на спящее лицо Ху Чэ, поглаживая его спину, как будто убаюкивая Сяо Ба. Сяо Ци теперь считал себя взрослым и не нуждался в убаюкивании, а Муфта считала себя маленькой и часто просила, чтобы ее убаюкивали.

Линь Дань слишком хорошо умел убаюкивать, и Ху Чэ быстро погрузился в глубокий сон. В этот раз в его снах не было тревожных мыслей, и он проспал до утра.

<http://bllate.org/book/17701/1652783>